

В.М. Тейтель. (Кого судьба выбирает, того и испытывает)

Мало кто обратил внимание на потрепанного арестантским режимом мужчину, вышедшего солнечным днем 7 июня 1940 года из ворот тюрьмы № 1 города Новосибирска. Его бледное небритое лицо было отрешенным, глаза полускрытыми то ли от яркого света, то ли от физического недомогания. В нем трудно было узнать в недавнем прошлом известного человека, со вкусом по моде одетого, завсегдатя театра, концертов, художественных выставок и лучшего в городе, понятно, самого дорогого, для иностранцев, ресторана «Инсиб», благо, который находился в доме, где он жил. Про него ходили легенды, говорили, что он талантлив, независим, эстет, любит деньги, красивую жизнь, обожает женщин. Его - архитектора-художника Владимира Михайловича Тейтеля, тогда еще совсем молодого специалиста, назовет позднее профессор А.Д. Крячков, наряду с Тургеневым, Осиповым и самим собой, в числе «видных сибирских архитекторов», которые привлекались к проектированию общественных зданий Новосибирска первой пятилетки, помимо «крупных столичных сил». Меньше чем через три года после окончания Академии художеств, когда ему еще не исполнилось и 29 лет, он становится городским архитектором Новосибирска, проработает в должности три года до первого своего прямого общения с правосудием в 1935 году, а затем, после полугодового перерыва, фактически вернется к этой должности, будучи архитектором-художником архитектурно-художественной мастерской горкомхоза. Второй же арест 16 марта 1938 года и отсидка в течение 2 лет и 53 дней до этого дня освобождения преобразили, сломали, если не самого, то его так хорошо складывавшуюся карьеру.

А было ему всего-то 37 лет, в кармане две справки - об освобождении из-под стражи в связи с прекращением следственного дела и на право возвращения финансовым отделом УНКВД «часов металлических карманных № 1913106, облигаций выпуска обороны СССР на сумму 200 рублей», изъятых при аресте, и полная житейская неопределенность. А еще - стенокардия, «благоприобретенная». Его последнее пристанище - мастерскую при горкомхозе - постигла та же печальная участь: через девять дней после ареста его в подозрении на «шпионско-разведывательную деятельность в пользу одного враждебного СССР государства» она была ликвидирована, родственников в Новосибирске не было, на ближайших друзей-коллег рассчитывать не приходится - Т.Я. Бардт в заключении, под следствием, с К.Е. Осиповым - мало того, что в размолвке, ныне он занимает его прошлую должность городского архитектора и в силу общественно-политической ситуации должен будет дистанцироваться от него, как, впрочем, и многие другие из достаточно близкого в прошлом окружения. Это только он сам мог позволить себе в свое время открыто поддерживать и помогать старику Бардту, изгнанному из проектных организаций и преследуемому «органами», за что, вероятнее всего, и поплатился. В общем, одни далеко, другие высоко, иных уж нет и вовсе...

В который раз листаю истлевающие страницы архивных, пожелтевших от времени газет в попытке хоть в самой малой мере спасти от неминуемого забвения, а то и от гибели целый пласт документальных свидетельств, относящихся к людям, достойных благодарной памяти. Не только узнать и понять их, но и ощутить время, дух его архитектурно-художественной жизни. И каждый раз сызнава «переживаю» за каждого своего «героя», вызывая порой кулуарную критику некоторых историков-фактологов. Но иначе не получается, в чем каюсь, прося снисхождения, может быть за излишний субъективизм своих описаний.

Я несколько раз в день хожу мимо дома, где жил Владимир Михайлович до ареста, часто думаю о нем, о судьбе зодчего вообще.

Не странно ли? Мы хорошо знаем здания, которые он построил, реконструировал, преобразовал. Они не только наяву, но и на открытках, в кино, на телевидении, так что стали памятными, родными. Они и сегодня делают лицо города привлекательным и запоминающимся. А кто знает, помнит облик их автора? Так взгляните же в тюремный снимок арестованного 4972, запечатлевшего архитектора в фас и профиль, взгляните в это красивое тонких черт лицо, и эти умные, прямо на вас смотрящие глаза, и вы увидите настоящего благородного интеллигентного человека, почувствуете магию очарования незаурядной личности, проникнитесь искренним добросердечием к его драматической участи, поймете, что к нему невозможно оставаться равнодушным!

По адресу Октябрьская, 40 - два корпуса, в одном из них, уже по улице Советской, в угловом подъезде, на третьем этаже была его квартира (89-я). Кстати, в этих же зданиях проживали и некоторые коллеги, ставшими свидетелями по его уголовному делу. Как рассказывал мне Л.С. Фрадкин, в квадратной в плане гостиной стоял большой стол, за которым обычно работали 1-2, а то и 3 помощника - техники и архитекторы, среди которых бывал и рассказчик. Но работали не только здесь. Архитектор Н.Г. Васильев вспоминал, что Тейтель, будучи городским архитектором, имел при этом скромную мастерскую, которая располагалась в небольшом помещении под лестницей в здании городского Торгового корпуса. На стенах были развешаны классические узоры и рисунки самого Владимира Михайловича. Дух поэта, художника свободно парил в каморке. Собственно, здесь да на строительных лесах его построек в основном и состоялась сложная, простая и честная творческая планида зодчего.

А как славно все начиналось! 5 ноября 1929 года Владимир Тейтель успешно защищает в Академии художеств дипломный проект на тему: «Строительная выставка в г. Ленинграде», получает квалификацию архитектор-художник и направление на работу в Сибирь. Сначала работает в Томске, в проектно бюро «Кузнецкстрой», в строительном отделе, начальником которого был профессор А.Д. Крячков, а через год переводится в Новосибирск, где до декабря 1931 года трудится архитектором архитектурно-проектного подотдела «Сибкомбайна» до сокращения из-за отсутствия работ. Приглашен на должность городского архитектора в горкомхоз, приступает к своим обязанностям 10 января 1932 года. Это было свидетельством признания его полной профессиональной состоятельности.

К этому времени за его плечами была уже «биография». По национальности русский Владимир Михайлович Тейтель родился в Польше, в городе Лида Виленской губернии в 1903 году. Из мещан, отец Михаил Владимирович (умер в 1933 г.) бухгалтер, мать Мария Дмитриевна - домохозяйка, в момент анкетирования при аресте Владимира Михайловича (1938) жила в Ленинграде вместе со старшим сыном Дмитрием («около 40 лет»), сестра же - Вера Михайловна («около 40 лет») вместе с мужем проживала в Вильно, тогда уже за границей.

В г. Лида отец работал на строительстве железной дороги, в 1910 или 1911 году переехал с семьей в Москву, затем перебрался в Петербург.

Младший сын обладал привлекательной внешностью, большим обаянием. Был хорошо воспитан и образован, имел, как бы сейчас сказали, прекрасную довузовскую подготовку, судя хотя бы по тому, что знал иностранные языки - немецкий, французский и латышский, искусно рисовал, что и предопределило выбор профессии. До 1929 года был на иждивении родителей, хотя, участь в

Академии, работал. Ещё до этого закончил Ленинградскую лётную школу (в Новосибирске состоял на воинском учете в военном столе Октябрьского райсовета, 67 ВУС). По протоколам допроса значился «холост», а на суде говорил «женат, ни в каких партиях ранее не состоял и не состою». Тогда же заявил: «Меня воспитала Советская власть, я все силы и знания отдавал работе». И это, действительно, было так.

Одной из первых крупных работ В.М. Тейтеля в Новосибирске, очевидно, был проект здания Сибирского института цветных металлов. 25 июля 1930 года газета «Советская Сибирь» публикует фоторепродукцию отмывки фрагмента здания, по которому уже можно судить обо всем объекте: характерное для того времени конструктивистское решение угла здания - повышенный (башенный) объем, угловое размещение окон, их «рамочное» обрамление. Основная же деятельность архитектора была сосредоточена на строительстве соцгородка на 80 тысяч жителей на левом берегу при «Сибкомбайне». Закладка завода состоялась 1 мая 1930 года, а города - позднее, 31 мая началом строительства трех жилых комбинатов, которые планировалось сдать в эксплуатацию к весне будущего года.

О характере проектных работ и о самом Тейтеле дают представление свидетельские показания коллег. Архитектор Д.И. Козьмин тогда работал вместе с Владимиром Михайловичем, был одно время его начальником, более того, жил в одной квартире с ним. В свою очередь и мне довелось трудиться в течение нескольких лет с Дмитрием Ивановичем, отличавшимся исключительной интеллигентностью, высокой общей и профессиональной культурой, педантичностью. Так вот, он показал следователю: «...Я помню, Тейтель проектировал жилой деревянный дом (постройка не осуществлена вне зависимости от качества проектирования), проект дома-коммуны на тысячу человек, проект тоже не осуществлен..., делал частичную перепланировку здания заводоуправления и отделку помещений и вел надзор за выполнением этих работ. Сделал проект внутренней отделки ФЗУ, проект детского сада (постройка осуществлена). Кроме того, Тейтель занимался частичными перепланировками бытовых помещений некоторых цехов..., проверкой чертежей, в частности, проверкой освещенности, и выполнял мелкие архитектурные работы по заданиям начальника проектного отдела. ...Разговоры с Тейтель обычно ограничивались вопросами проектирования главным образом в архитектурно-художественном отношении.

«Архитектор Тейтель работы выполнял доброкачественно. В отношении трудовой дисциплины могу отметить некоторую недисциплинированность, выражавшуюся в опозданиях на работу, отказе от мелких неинтересных работ, но указанные обстоятельства не служили тормозом для значительных проектных работ. ...Отрицательного отношения к мероприятиям партии и советской власти от Тейтеля я никогда не слышал»...

Другой свидетель: «На заводе «Сибкомбайн», в архитектурно проектом отделе, Тейтель внимательно относился к порученным ему заданиям и выполнял их добросовестно».

Понятно, достаточно рутинная проектная работа не устраивала молодого энергичного полного творческих устремлений человека, так что сокращение штатов на Сибкомбайне» и приглашение на должность городского архитектора было вполне благоприятным моментом. Перспективы были большими.

Новосибирск как краевой центр стремительно рос, здесь сосредотачивалось около третьей части всего объема нового строительства Сибири, что открывало большие возможности для архитекторов и строителей. В городе же в тот период преобладала малоэтажная, в основном

деревянная, застройка, функционально-композиционно мало организованная, с низким уровнем благоустройства и озеленения, социально-культурного, инженерно-транспортного, коммунально-хозяйственного и другого обеспечения. Жилищный кризис к 1930 году достиг особой остроты, когда обеспеченность жилой площадью была порядка 3,8 кв. м/чел. в существующей правобережной части города. Другие проблемы на другом берегу города. Как писал А.Д. Крячков, «первые жилые кварталы левобережного Новосибирска, возникшие вместе с заводами, несут на себе все ошибки периода конструктивизма: гигантоманию кварталов, унылую строчную застройку, казарменный вид и неудачную планировку жилых зданий, упрощенные легкие конструкции. Во второй пятилетке каменной архитектуре здесь было уделено больше внимания». В Новосибирске строятся новые крупные объекты, надстраиваются третьи-четвертые этажи существующих зданий.

«Можно без преувеличения сказать, - писал Б.И. Оглы, что 1931-1938 годы были наиболее плодотворными в развитии города. Именно в это время строятся наиболее значительные сооружения, которые определили лицо города и вошли в золотой фонд советской архитектуры... Это был важнейший исторический период, когда была заложена градостроительно-генетическая основа города на последующие годы его формирования как крупнейшего сибирского центра».

Имея широкие академические знания, технические и особенно архитектурно-художественные навыки, обладая аналитическим складом ума, развитой интуицией и умением доводить дело до конца, В.М. Тейтель понимал, что первые крупные здания города противостоят хаосу «большой деревни». Они во многом задумывались и создавались как изолированные, индивидуальные объекты, отрицающие сложившуюся архитектурную среду, в геометризованных упрощенных пластических формах, в духе эстетики и социальной этики того времени. Наступает черед формирования ансамблей, если не полноценных ансамблей, то хотя бы упорядоченной архитектурно-художественной среды. Для этого нужны другие градостроительные подходы, другая стилистика. И он пытается создать свой собственный профессиональный словарь, опираясь на эстетику И.А. Фомина, В.А. Щуко и других академиков архитектуры, избегая повторения исторических декоративных формул, но перелагая их на современный язык. Это был поиск в русле того архитектурно-стилистического направления, который позднее назовут «индустриальным романтизмом». Благо уже явно обозначились признаки ослабления доктрины, проводившей до того агрессивную тактику революционных новаций конструктивизма. Сохраняя архитектуру орденовой системы, применяя преувеличенно монументализированные, порой brutальные (огрублено утяжеленные), но схематичные орденовые элементы - мощные карнизы, аттики, парапеты, балконы, широкие вертикальные лопатки-пилястры на два-три этажа, а иногда и на всю высоту фасадов, русты, симметричные центрированные и асимметричные композиции с артикуляцией углов, используя разнообразие масштабов частей здания, он достигает большой выразительности, монументальности и интимности одновременно. В его постройках эстетика доминирует над утилитарным началом, в них символическое содержание естественно сочетается с формальной мощью и техническим изяществом.

Жилой дом Соцгорода «Сибметаллстрой». Новосибирск ул. Станиславского, 7

Характерным в этом отношении и, пожалуй, лучшим в авторском списке В.М. Тейтеля является «жилой комбинат левобережного города», «жилой дом Соцгорода «Сибметаллстрой», ныне по

адресу ул. Станиславского, 7, запроектированный в 1934 году и сданный в эксплуатацию в 1940 г., вскоре после освобождения архитектора из-под стражи. В этом здании зодчий сумел избежать как скуки прямых ордерных цитаций, так и аскетизма, упрощенчества, примитивизма, пустоты провинциальных конструктивистских изысков». Мастер сумел не только закрыть, «спрятать» ущербную строчную застройку (проект студентов МВТУ под руководством А.Г. Мордвинова, доработанный А.Э. Зильбертом и подвергнутый "незначительным исправлениям" "Новосибирскстроем", в духе стилистики немецкого архитектора Мая), но и так «поставить» дом на углу квартала, что он до сих пор производит впечатление парадности, незыблимости, неординарности. Главное же - этой постройкой задан крупный, «новосибирский», градостроительный масштаб, ставший определяющим на будущее. Дом под номером три на той же улице - фактически парафраз углового, правда, ухудшенный откровенной имитацией ордерных элементов, а габариты и формы других, более поздних зданий находятся в полном пространственном соответствии с ними. Неслучайно ансамбль улицы Станиславского сформировался как один из самых выразительных и запоминающихся на левобережье. В статье «Архитектура Новосибирска за 50 лет» А.Д. Крячков отмечал: «Жилые корпуса 1934-1936 гг. (проект архитектора В.М. Тейтеля) живописной разбивкой крупных масс, спокойным ритмом оконных проемов и удачными пропорциями производят приятное впечатление, несмотря на упрощенные детали».

Как городского архитектора В.М. Тейтеля занимают не только сущностные архитектурно-градостроительные проблемы, но и, как бы сейчас сказали, местная законодательно-правовая база деятельности. Он инициирует в марте 1934 года постановление президиума горсовета «Об архитектурном оформлении зданий»: «В целях сохранения и повышения архитектурно-художественной отделки каменных зданий и особо ценных деревянных строений Новосибирский горсовет постановляет:

Обязать все учреждения, предприятия и организации обобщественного сектора при возведении ими новых каменных зданий или выполнении наружного ремонта каменных и особо ценных деревянных строений производить отделку домов по утвержденному городской планировочной комиссией проектом»... Месяц спустя выходит второе постановление горсовета, по которому «все рекламы, киоски, вывески устанавливаются по городу только после утверждения их городским архитектором. Киоски, рекламы и вывески, не соответствующие архитектурному оформлению города, будут снесены». Газета «Советская Сибирь» в связи с этим информирует: «К 1 мая все заборы у строящихся зданий будут заменены типовыми стандартными. Организация этого дела возложена на городского архитектора». И всё это совмещено с кампанией за чистоту города и проведением массовых субботников.

Архитектурно-художественные проблемы настолько актуальны, что они стали предметом обсуждения на II-м краевом съезде Советов Западной Сибири. «Советская Сибирь» (08.01.35) публикует речь тов. Ялухина – председателя Новосибирского горсовета «**Мы не так богаты, чтобы строить плохо...**»: «...Наш город можно считать городомстроек», - констатирует выступающий. Действительно, та же газета («СС», 05.01.35) сообщала: «От первого до второго Краевого съезда Советов (кстати, за три года, когда городским архитектором был В.М. Тейтель. - В.П.) в Новосибирске выстроены десятки новых многоэтажных зданий. Совершенно неузнаваемым стал Красный проспект. На месте низеньких деревянных домов высятся «Дом Советов», «Гостиница Советов», «Дом Запсибснаббыта», здание Госбанка и т.д. На снимке: проект заканчивающегося постройкой на Красном проспекте здания музея каторги и ссылки».

«Мы очень многое сделали за эти года, но очень многого не хватает, - продолжает оратор. Мы много миллионов теряем вследствие нашего нехозяйственного отношения к строительству: строим долго, строим плохо и дорого. Если в области промышленного строительства мы придерживаемся некоторого приличия, то в области жилищного строительства мы буквально безобразничаем...

Этим безобразиям надо положить конец. Мы не так богаты, чтобы строить плохо. Об этом мы должны забить величайшую тревогу, довести ее до сознания рабочих-строителей, до руководителей, до специалистов, до начальников строительных работ.

Дело архитектурного оформления на сегодня является забытым участком... Мы хотим видеть такие дома, которые бы своей красотой создавали нам обстановку радости для труда и отдыха. Надо, чтобы человек, глядя на красивый дом, отдыхал, а у нас наоборот - человека мутит, когда он идет мимо строек «Сибстройпути» на Красном проспекте (тов. Эйхе: «**У тебя тоже на Красном проспекте такой дом**»...). Роберт Индрикович, я вовсе не говорю, что это безобразие «Сибстройпути», это безобразие и горсовета, который утверждает такие проекты... В постановление съезда по этому поводу был отдельный пункт: «Съезд особо подчеркивает необходимость утверждения планов по всем вновь строящимся объектам и обязательность соответствия архитектурного оформления всех строящихся зданий, а также существующих улиц и площадей в городах проектам».

Еще в 1934 году разработан проект «архитектурного оформления центральной части г. Новосибирска» («СС» 14. 11.34). Очевидно, в соответствии с ним В.М. Тейтель реконструирует жилой дом «Сибстройпути», построенный по проекту И.Т. Воронова. В свое время «Советская Сибирь» (09.02.31) писала: «Дом «Сибстройпути» на Красном проспекте должен быть закончен в конце этого года. Он будет самым большим в Новосибирске»... (105 м длиной). В 1935 году там же (26.10.35): «...Пятиэтажный дом «Сибстройпути»... с весны этого года был окружен лесами. Дом архитектурно реконструирован. На этих днях леса начали снимать с дома. Выглянуло совершенно новое, преображённое здание, меняющее облик улицы».

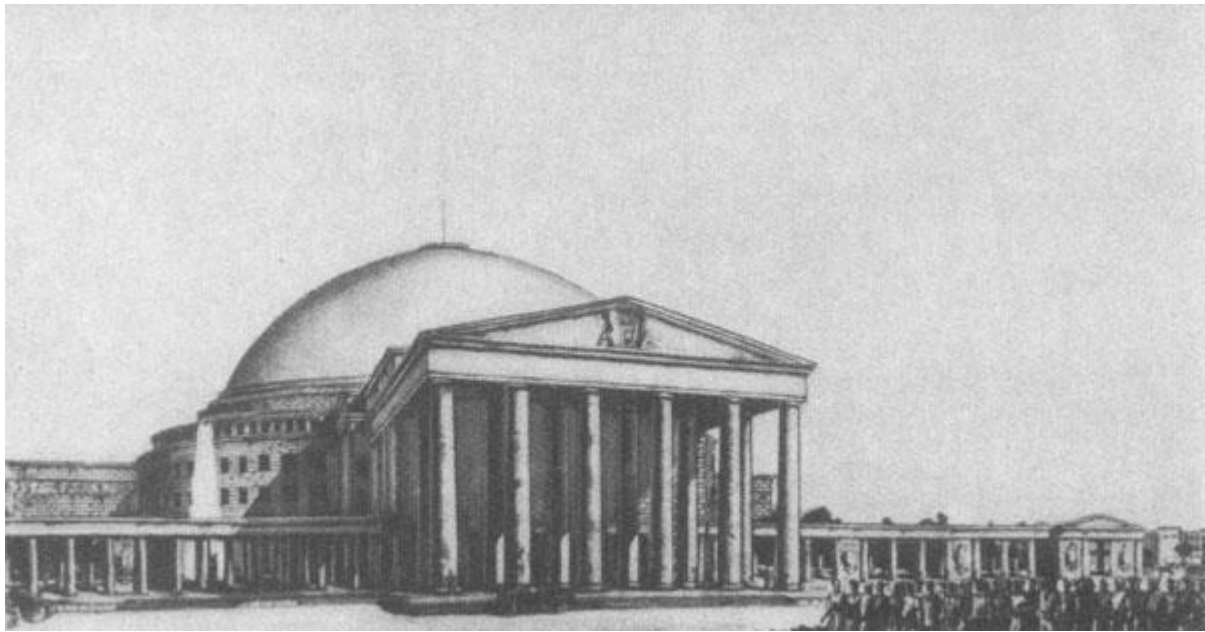
Месяц спустя горсовет выносит постановление об архитектурно-художественном оформлении крупнейших зданий города в 1936 году, среди которых и здание треста «Запсибзолото», возведенное в 1931-1932 годах по проекту А.И. Боброва. Этим постановлением предложено предприятиям и учреждениям к 1 января 1936 года представить на утверждение архитектурно-художественного совета эскизы оформления зданий. Проектом реконструкции занимается Владимир Михайлович Тейтель, но в связи с арестом по обвинению в злоупотреблении служебным положением в корыстных целях, это дело передается профессору Крячкову, оформляющему весь ансамбль складывающейся площади («СС», 01,08.36). Через полгода Тейтель оправдан судом и, похоже, и проектирование возвращается на круги своя, а в октябре 1936 года заканчивается сама реконструкция («СС», 15.10 и 26.11.36): «Фасад здания треста «Запсибзолото» отделяют цветной штукатуркой в светлопесочных тонах. Здание будет украшено барельефами из жизни шахтеров золотой промышленности». «В этом году часть зданий была заново архитектурно отделана. По-новому оформлены дома «Запсибзолота», института народного хозяйства и др.».

Позднее А.Д. Крячков напишет: «Излишне мелкими деталями оформлено здание «Запсибзолото» архитектором В.М. Тейтель - автору все же удалось дать убедительное решение административного здания».

Однако по поводу этой «оформительской» деятельности, как, впрочем, о большинстве неординарных выдающихся произведений архитектуры и искусства, были различные суждения. Так, профессор Б.И. Оглы, правда, уже в наше время (Новосибирск: от прошлого к будущему. - Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1991) рассматривает его, по сути, как противника авангардистских поисков советских архитекторов 20-х годов, обвиняя в архаизации под классику не только новых сооружений, но и созданных в период конструктивизма, которые при всей своей спорности реализации несли свежий социальный заряд искренности, революционной романтики, прекрасно отражали дух эпохи. Свое мнение он иллюстрирует примером реконструкции *Дома Ленина*, в результате которой здание утратило мемориальный характер как памятника, свидетельствующего о величайшем народном уважении к вождю пролетариата. Здесь же следует упомянуть и слова профессора С.Н. Баландина, что, тем не менее, «сооружение более приобрело в композиционной законченности и художественной целостности».

В силу своего должностного положения как настоящий архитектор-художник Владимир Тейтель не мог быть в стороне от проектирования и строительства самого главного объекта города - Дома науки и культуры. Правда, выбор проекта, закладка здания, начало строительства проходили без заметного его участия, но, как следует из протокола судебного заседания по делу В.М. Тейтеля от 22.04.39 года, уже в 1932 году он делал доклад о строительстве этого дома в крайисполкоме, где, кстати, впервые лично встретился с *Т.Я. Бардтом*, одним из основных авторов *ДНИК*, ставшим впоследствии его близким другом. Когда же наступило время новой концепции архитектуры, возврата к классической системе мышления в архитектуре, и признания необходимости реконструкции *ДНИК*, то городской архитектор активно включился в это не только как участник, но и как один из его организаторов. События тех лет хорошо проживаются по книге С.Н. и В.С. Баландиных «Новосибирск: что остаётся в наследство?.. История строительства и архитектуры Театра оперы и балета» (Новосибирск, Новосиб. кн. изд-во, 1990).

13 января 1933 года при заместителе председателя исполкома состоялось совещание по вопросу об архитектурном оформлении здания. В.М. Тейтель подверг критике планировку здания, неорганичность взаимосвязи отдельных его частей, интерьера с внешним пространством, отметил ряд других недостатков. Однако он не ограничился только одной критикой. Когда было решено объявить конкурс на архитектурно-художественное оформление фасадов и это решение реализовалось в июне 1933 года, то в него включился и Тейтель. Вместе с инженером-архитектором И.А. Бурлаковым он командирован в Ленинград для привлечения к конкурсу архитекторов из северной столицы, но этого они сделать не сумели. Тем не менее, при консультации академика В.А. Щуко, с которым Владимир Михайлович был хорошо лично знаком, они сами подготовили проекты. В результате в конкурсе участвовали архитекторы Новосибирска, Томска и Москвы.

Эскизный конкурсный проект реконструкции ДНК под театр художника-архитектора В. Тейтеля. Июль 1933 год

«В эскизном проекте оформления театра В.М. Тейтеля, - как пишут Баландины, - нашли применение мощные формы ордерной антично-римской архитектуры, хотя и в сильно схематизированном виде». Однако, по их мнению, «тяжеловесные архитектурные массы сооружения не давали представления о театральном здании».

Конкурс не дал положительных результатов. 26 июня в «Советской Сибири» прошла информация о выставке конкурсных проектов и в Новосибирске, а 9 июля там же публикуется заметка «Задача ждет своего решения» - о проведении конкурса во второй стадии до 13 июля текущего года.

Состоялся второй тур, на который прибавился ряд новых проектов, расширился круг участников. Жюри присудило первую премию московской бригаде Г.П. Гольца и еще четыре - сибирским архитекторам. Но на этом творческий поиск требуемого решения не закончился.

После просмотра конкурсных проектов в Москве в сентябре 1933 года в Новосибирске состоялось очередное заседание «комсода» (комитета содействия строительству НК) по дальнейшему обсуждению этих материалов. «Критика их звучала уже значительно резче».

Была создана специальная научно-экспертная бригада из представителей строительного института и института инженеров транспорта. Вскоре, в ноябре, были подведены итоги второго тура конкурса. Обязательным его условием было планировочное решение всей площадки перед театром во взаимосвязи с планировочной структурой центральной части города. И вновь рассматриваются проекты новосибирских архитекторов - Б.А. Гордеева, В.М. Тейтеля, И.А. Бурлакова, С.И. Парыгина, В.С. Масленникова и других. «Все авторы предлагали, - снова цитирую упомянутую книгу о театре, - новые редакции оформления здания, его новые архитектурные концепции. В.М. Тейтель изобразил на фасадах пилоны то в виде межоконных простенков, то в виде колоннады из сдвоенных пилонов в подкупольной части здания или в виде сдвоенных пилястр (пилонных) на «крыльях» сценической части. Пилонные ряды увенчивали простейшие антаблемента (карнизы). Автор скромно обрабатывает вестибюльную часть и более монументально - купольную, придавая ей более сильный рельеф и пластику рустом нижнего этажа, полукружиями балконов, раскреповкой антаблемента и т.д.

В планировке площади перед театром В.М. Тейтель исходил из ее функционального назначения: как главной общественной площади города, как транспортной развязки и, наконец, разгрузочной аванплощади перед театром. Площадь четко делилась на две части, на аванплощади по сторонам театра проектировались фонтаны, газоны, стоянки для автомобилей, а по оси симметрии здания - фигурный монумент. Другая (западная) половина площади предназначалась для городского автотранспорта». Сразу же надо заметить вполне современный градостроительный масштаб мышления зодчего: неслучайно, главная площадь города именно такой и состоялась за исключением фонтанов ее бокам да парка за ним, доходящего до Закаменки, как предлагал А.Д. Крячков.

Однако наибольший успех на конкурсе имел проект Б.А. Гордеева в двух вариантах, более простой по декоративности, привлечший внимание жюри. Тем не менее, экспертная бригада признала наиболее реалистическими проекты В.М. Тейтеля, В.С. Масленникова и Б.А. Гордеева.

Как бы то ни было, для дальнейшей разработки проекта Б.А. Гордеев был командирован в Москву, во Вторую архитектурно-проектную мастерскую Моссовета, возглавляемую академиком А.В. Щусевым.

Когда в августе 1935 года рабочая комиссия научно-технического совета Наркомпроса вынесла заключение о том, что строительство театра по первоначальному проекту продолжаться не может, поэтому необходимо изменить проект с приведением здания театра к обычному типу, то есть к зданию театра оперы и балета, драмы, Владимир Михайлович Тейтель, по-видимому, как городской архитектор мог бы снова включиться в эту работу, но над ним уже сгустились тучи, в отличие от положения главного архитектора строительства театра Б.А. Гордеева, трудившегося в системе НКВД.

Однако поле деятельности Тейтеля не ограничивается реконструкциями. Он участвует в градостроительных работах, занимаясь проектированием отдельных планировочных узлов, площадей, кварталов, садов, парков, выполняет ряд проектов строительства новых объектов. Кроме уже упомянутых зданий на левобережье, архитектор проектирует и для старой части города.

Новосибирский Аэроклуб. Клуб юных пилотов

«Советская Сибирь» (08.04.34): «Новосибирский аэроклуб».

Новосибирск первым из городов Сибири приступил к сооружению нового аэроклуба... Постройка клуба будет закончена к 1 июня этого года... Здание строится по проекту архитектора-художника тов. Тейтель и инженера-строителя тов. Апонасенко.

На снимке: проект здания аэроклуба».

22 ноября того же года в газете публикуется снимок строящегося здания аэроклуба.

4 апреля 1934 года, за 4 дня до информации о строительстве аэроклуба, было сообщение о малозаметном происшествии, сыгравшим, в каком-то смысле, роковую роль в биографии Владимира Михайловича.

Фонтан-каскад в Первомайском сквере

«За благоустройство города. Горзеленстрой в этом году должен закончить работы по озеленению в Первомайском сквере. Здесь будет проведён водопровод и сооружён фонтан-каскад. Над проектом последнего работает архитектор-художник т. Тейтель».

«Фонтан должен быть сооружён в Новосибирске в Первомайском сквере. С 1 июля «Водоканалтрест» приступает к прокладке водопроводных труб, а с 10 июля (не позднее) будет приступлено к кладке бассейна фонтана».

30.06. 1934

«Письма о благоустройстве. О садах и скверах. Фонтан в сквере стал мишенью острот и злословия. В самом деле, он строится уже очень давно. За это время в Москве сооружено метро. А наш фонтан ещё не готов. 25 июня собирались открыть сквер и запустить фонтан. Но только три дня назад заказали вазы, которые должны быть поставлены на боковых пьедесталах фонтана....на клеится и с подачей воды в фонтане. Никак не удаётся получить струи нужного рисунка и силы. В нижнем бассейне во время детского праздника были поставлены медные трубки, из которых вода должна бить к центру фонтана. В первую же ночь их кто-то украл».

23.06. 1935

«...С момента пуска работал всего 5 часов....Оказалось, что днище фонтана пропускает воду и размывает фундамент....»

05. 07. 1935

Небольшая справка: фонтан сооружался больше трех месяцев. Стоит он свыше 50 тыс. рублей. Строила его Ремстройконтора, наблюдение за строительством вел городской инженер Брейденбах».

Такая реализация проекта - не всегда прямая вина его автора. Но в данном случае дело усугублялось слухами, исходившими, к сожалению, из архитектурно-проектной среды, по-моему, во многом от тех, проекты которых ему приходилось отклонять или переделывать. Для примера, свидетельские показания одного из них: «Архитектора Тейтеля В.М. знает абсолютно весь архитектурный мир Новосибирска, и даже инженеры и строители, прорабы строительства и многие неспециалисты. Будучи городским архитектором, т.е. официальным лицом горсовета (НКУ), от него зависели все архитекторы, т.к. без его визы, городского архитектора, не разрешалась почти никакая стройка, а тем более с фасадами на главных улицах. Более всего он прославился на вымогательстве по составлению выгодных проектов... Всем в городе было известно, что он в год «зарабатывал» таким образом более 30000 рублей. Вернее, так говорилось среди строителей и архитекторов города...

Как архитектор-художник он считался в г. Новосибирске талантливым, но халтурщиком, т.е. стремившимся лишь: «сорвать куш» с заказчика, так как работать ленился и чертежи давал плохо оформленные. Известно, что представители некоторых организаций давали ему так

«заработать»(например, много разговоров было о работе фонтана - проект, выполненный Тейтелем по поручению Домбровского, работавшего в Крайснабсбыте)»...

Что ни говори, а людская молва - великая сила: она может и вознести человека, а может и унижить до уничижения. В данном случае, видимо, не обошлось без внутривидовых интриг и даже «стукачества». Мало того, что общество в целом пребывало в атмосфере подозрительности, поиска врагов, их разоблачения, архитектурный цех отличался своей «спецификой». Если газета - зеркало жизни, пусть порой с недостаточно четким и искривленным изображением, то и по ее страницам все же можно судить, о положении дел: «...для архитекторов Новосибирска характерна чрезвычайная замкнутость и разобщенность. Проектные же организации не пытаются поддерживать творческие связи, не установили обмен опытом. Архитекторы не обсуждают совместно наиболее значимые и интересные проекты... Враждебные взаимоотношения проектных организаций («Горстройпроекта» и «Сибпромпроекта»)» (01.08.36). «...Считанные дни до первого съезда архитекторов. В краевом союзе по проблемам архитектуры - тишина»... Групповщина, замазывание ошибок, протаскивание явно неудовлетворительных проектов, беспринципность суждений - вот что можно наблюдать при обсуждении проектов»... (04.06.37).

С одной стороны, «Советская Сибирь», недавно введшая рубрику «Над чем работают...», первую заметку «Над чем работают наши архитекторы» (24.05.35) посвящает городскому архитектору: «Городской архитектор тов. В.М. Тейтель закончил проекты реконструкции фасадов дома горсовета и дома крайкома угольщиков, эскиз надстройки здания Дворца труда и эскиз светового оформления дома специалистов «Сибстройпути». Сейчас архитектор В.М. Тейтель работает над оформлением сквера у Дома Ленина и сада на Первомайской площади. Тов. В.М. Тейтель закончил несколько проектов по промышленным стройкам Кузбасса и ведет архитектурную консультацию по оформлению зданий шахт Северной, Осиповки, Киселевки и Капитальной-2»... Кстати, в это же время в газете публикуются заметки о благоустройстве и озеленении сквера на Первомайской площади (05.06), об открытии кафе-ресторана здесь же (15.07), скорее всего, судя по архитектурным формам, проект Тейтеля, о мощении и архитектурном оформлении площади и об устройстве новой трибуны около ДНЦ (20.07).

С другой стороны, казалось бы, в пору такой большой творческой насыщенности и общественного признания, он подвергается аресту, ему предъявляется обвинение в использовании служебного положения в корыстных целях (ст. 109-117 УК), выразившимся в том, что он, будучи городским архитектором, то есть занимая административную должность, одновременно выполнял проектные работы. И хотя эти обвинения не подтвердились, и судом он был через полгода полностью оправдан, на прежнюю должность его не восстановили. Правда, и никого не назначили на это место, и оно «пустовало» до следующего ареста Владимира Михайловича в 1938 году, в то время как он значился архитектором-художником архитектурно-художественной мастерской горкомхоза и консультантом-художником художественной фабрики.

Совершенно очевидно, городские власти таким образом сохраняли столь полезного для города специалиста. Неслучайно, хотя формально ошибочно, Игнатий Белогорцев в изданной в 1945 году своей брошюре, посвященной 10-летию Новосибирского отделения ССА, указывает годы пребывания В.М. Тейтеля в должности городского архитектора с 1932 по 1937 год.

Тем не менее, его имя-фамилия исчезли со страниц газеты, столь благоволившей ему ранее, хотя публикации о «его» зданиях и постройках периодически появлялись там.

Так, 26 апреля 1938 года: «Новое здание детских яслей № 4 "Сибметаллстрой" (Новосибирск)» (фотография. - В.П.), 28 августа 1940 года: «Новый жилой дом, недавно сданный в эксплуатацию, при заводе "Сибметаллстрой"» (тоже фотоснимок. - В.П.). 14 ноября 1944 года: «Архитектурный облик Новосибирска. На снимке: реставрированный Дом Ленина на Красном проспекте»... Правда, были исключения. 21 сентября 1936 года: «Новосибирск будет показан на выставке в Париже... Фотограф Моторин делает фотоснимки города... Художественное руководство работами возложило на архитектора-художника тов. Тейтеля». Кстати, на этой международной выставке в мае-ноябре 1937 года были широко представлены искусство, наука, литература и спорт, в пятом зале советского павильона, где экспонировались материалы по промышленному строительству и строительству городов, был выставлен и упомянутый фотоальбом по Новосибирску, а также окончательный вариант архитектурного оформления Новосибирского театра оперы и балета. Именно по этому фотоальбому судили о 100-квартирном доме А.Д. Крячкова, когда присуждали ему Гран-при и золотую медаль.

Второе упоминание об архитекторе-художнике было иным. 25 декабря 1940 года упоминавшийся уже Иг. Белогорцев, когда всем было известно о более чем двухгодичном содержании под стражей В.М. Тейтеля, в статье «У архитекторов Новосибирска» обрушился с критикой на него: «...Противоречит окружающей архитектуре оформление треста «Запсибзолото», чуждое монументально-простому оформлению зданий обкома ВКП(б) и облисполкома... До сих пор сохраняются такие неуклюжие сооружения, как фонтан в Первомайском сквере в Новосибирске (автор арх. Тейтель)»... В этой связи понятно, почему архитектор оказался как бы вычеркнутым и из общественной жизни местной организации Союза советских архитекторов.

Не такой уж незаметной фигурой был зодчий, чтобы сгнуться в забвении. Через три года после второго освобождения из тюремного заключения, в 1943 году, под некрологом по поводу смерти коллеги, архитектора Б.А. Гордеева, стоит и его подпись, а еще год спустя тот же Белогорцев в статье «Зодчие Сибири (к 10-летию организации Новосибирского отделения Союза советских архитекторов)» («СС», 28.03.44, 2 с.) пишет: «Новосибирские архитекторы успешно освоили проектирование больших строительных комплексов, применение новых стройматериалов и типовых деталей. Это дало возможность внедрить метод скоростного строительства. Архитекторы Н.Г. Васильев, В.М. Тейтель, В.Ф. Рамман, Н.Ф. Храненко дали хорошие проекты домов для Кировского района, застройка которого шла в соответствии с планировкой кварталов, предложенной архитекторами И.И. Соколовым-Добревым, А.Я. Куселиовичем и А.Ф. Якусевицем. Теперь в Кировском районе много красивых и удобных домов». Позднее, в 1945 году, председатель правления НоССА в известной его брошюре, где имя Тейтеля он указывает уже в траурной рамочке, снова перечисляет основные творческие работы Владимира Михайловича в еще более благожелательном тоне, забыв о своих прежних претензиях. Там же впервые публикуется авторство В.М. Тейтеля в реконструкции Дома Ленина. По этому поводу до сих пор в литературе указывается то это «реконструкция В.М. Тейтеля», то «реконструкция по проекту В.М. Тейтеля», то «В.М. Тейтель реконструировал здание в 1944 году». Неясно, когда же был разработан проект?

Дом Ленина

Известно, Новосибирский театр юного зрителя был основан в 1930 году, а в Дом Ленина он переехал пять лет спустя. В 1937 году началась реконструкция интерьеров здания по проекту ленинградского архитектора В.М. Оленева, а в апреле следующего года «Советская Сибирь» в заметке «Первомайский подарок детям» информирует читателей о том, что заканчивается реконструкция, «основательно перекроили и перестроили» здание, увеличив размеры зрительного зала, сцены, фойе. Может, тогда же был и разработан проект реконструкции экстерьеров? А может, эта работа была выполнена Тейтелем уже после освобождения из заключения, когда ТЮЗ готовился открыть свой Юбилейный, десятый сезон? Судя по стилистике реконструированных фасадов, а они решены в почти чистом, ранее не применявшемся им тосканском ордере, лишившем здание былой патетики и придавшем ему уже театрализованный вид, это было именно в 1940 году, но из-за войны реализация проекта осуществлена лишь в 1944-м. Однако вернемся к середине прошлого десятилетия.

Казалось бы, гражданская реабилитация, природное сочетание физического здоровья, красоты и творческого потенциала дадут обильный урожай архитектурных произведений. Но судьба готовила ему куда более серьезные испытания, чем те, через которые ему уже удалось пройти.

16 марта 1938 года Владимир Михайлович Тейтель был снова арестован и препровожден в Новосибирскую тюрьму. Обвинение - стандартное для тех лет: шпионско-разведывательная деятельность «в пользу одного из враждебных СССР иностранных государств», преступления, предусмотренные ст.58 п. 6-9-11 УК РСФСР. В обвинительном заключении от 27 ноября того же года прямо указывалось., что «используя свое служебное положение городского архитектора проводил вредительскую и диверсионную деятельность в новом строительстве»...

Не знаю, как определить ситуацию - злой рок или насмешка судьбы, но формальным поводом для его ареста послужили показания гр. Бардт Т.Я., избличающие его в шпионской деятельности», правда, «от которых он впоследствии отказался, заявив, что он Тейтеля оклеветал»... Тот же самый Бардт - архитектор-художник, коллега, ближайший друг и товарищ, которого Владимир Михайлович не бросил в беде, наверное, в трудный период его жизни. На первый взгляд, что могло быть общим для людей, разделенных возрастом на целую жизнь одного из них, не связанных напрямую общим делом или какими-нибудь другими отношениями, кроме душевных. Похоже, сама судьба свела их.

В обстановке общей разобщенности архитекторов в те годы, на мой взгляд, просматривается наличие группировок среди них - столичные выпускники, в основном академики (В.М. Тейтель, К.Е. Осипов, Т.Я. Бардт, Б.А. Гордеев, С.П. Тургенев), воспитанники сибирской архитектурной школы с примкнувшими к ним некоторыми представителями других провинциальных учебных заведений (например, Омского художественного техникума) и несколько особняком, как бы возвышаясь над ними, А.Д. Крячков. Но и в этих условных объединениях существовали непростые взаимоотношения.

Трудно переоценить, что значит в судьбе художника с бесприютной душой и малоблагоустроенной жизнью встретить на своем творческом пути эхо понимания, дружеского отношения, поддержки. Казалось бы, сам Бог велит Тейтелю и Осипову близко сойтись, так как они вместе учились в Академии художеств. Поначалу так и было. Как показал следователю Клавдий Елпидьевич, «при встречах со мной Тейтель интересовался вопросами главным образом производственными, обсуждали взаимно друг у друга проекты и вместе иногда делали проекты, в основном по жилищному строительству, разрабатывали проект парка культуры и отдыха»

(видимо, Ельцовского парка, когда в феврале 1931 года московский архитектор Лунц объявил конкурс на этот объект. - В.П.). Добавлю, они вместе посещали художественные выставки и другие культурные мероприятия. А вот показания Владимира Михайловича: «С Осиповым я встречаюсь по делам службы в горкомхозе, бывал у него и на квартире, как по приглашению, так и без приглашения как товарищ по учебе. Это знакомство продолжалось до 1 июля 1936 года и прекратилось вследствие того, что Осипов считал, что мое выступление на суде в июне того года по вопросу, как ответ на вопрос суда, какой документ об образовании имеет Осипов, я ответил суду правду, т.е. что Осипов имеет свидетельство, а не диплом, дающий звание архитектор-художник. Сказанное мною Осипов посчитал как шантаж и с тех пор стал меня везде и всюду, пользуясь своим влиянием, чернить, выдумывая и распуская слухи о всяких небылицах».

Хотя свидетель И.Т. Воронов и говорил: «Тейтель с Гордеевым находились в хороших взаимоотношениях, это я заключаю из того, что Тейтель всегда согласовывал проекты Гордеева без поправок, тогда как проекты других работников Тейтель перечеркивал, вносил исправления и возвращал на переделку», сам Владимир Михайлович был сдержаннее: «С Гордеевым у меня были только служебные встречи, так как он работал в системе НКВД и приходил ко мне с проектами на утверждение. О том, что он административно ссыльный, я знал. Кстати, очень странно, Борис Александрович (в материалах следствия - Исаакович) Гордеев, проходя по этому же делу («Гордеев проводил в жизнь вредительские установки Бардта», будучи главным архитектором строительства ДНик), значился в розыске, свидетели указывали его точное местонахождение в Москве, однако он был не только не арестован, но и даже не допрошен.

С Сергеем Петровичем Тургеневым как сподвижником Гордеева отношения, по-видимому, были не менее настороженными. Оставался один Траугот Яковлевич Бардт.

Правда, своими близкими знакомыми (по протоколу допроса) он считает академика архитектуры Владимира Алексеевича Щуко, его сына архитектора-художника Юрия Владимировича и архитектора-художника Леонида Михайловича Полякова, но все они были москвичами, работавшими тогда на строительстве Дворца Советов, указывает и служебные знакомства: по Кузнецкстрою - Алексей Яковлевич Кусилиович, Андрей Дмитриевич Крячков, по Новосибирску - бывший начальник горкомхоза Степан Иванович Комлев, инспектор Стройконтроля Владимир Петрович Брейденбах, бывший председатель архитектурного совета при горсовете Дмитрий Дмитриевич Шляпников, Дмитрий Иванович Козьмин, Бардт, председатель архитектурного фонда Иван Трофимович Воронов, главный архитектор Горпроекта Яков Ефимович Кузнецов и другие, в основном сотрудники по мастерской горкомхоза.

По словам Тейтеля, с Бардтом они познакомились еще в 1932 году в Новосибирске в связи с рассмотрением проектных документов по ДНик. Год спустя, «будучи с проектом фасадов ДНик, которые я сдал Бардту в предоставленном для конкурса клубе, я возвращался на вокзал в такси вместе с Бардтом и его сыном». В 1934 году Бардт был административно выслан в Новосибирск, где их взаимоотношения продолжались, укрепившись особенно после освобождения из под стражи Тейтеля в 1936 году. «Последняя встреча у меня с Бардт, - говорил на суде обвиняемый, - была в 1938 году, когда он был уволен со строительства вокзала и искал работу»...

Выглядит весьма неожиданным то, что и В.М. Тейтель дает показания против своего друга. Но, как мне кажется, то был их уже согласованный и хорошо продуманный ход. Стражники и следователи допустили оплошность, когда после очной ставки отвозили их вместе в тюрьму, и они могли договориться. Об этом можно судить по протоколу судебного заседания военного трибунала СибВО от 22 апреля 1939 года, когда Тейтель виновным себя не признал и по существу дела

объяснил следующее: «На предварительном следствии мной были даны показания о том, что я состоял в шпионской организации. Все показания в этой части являются неправильными, они выдуманы и давались мной вынужденно, т.к. следователь сказал мне: «Если вы не будете признаваться, то 10 лет будете здесь сидеть без работы». Я стал давать показания, дабы быстрее было переведено дело в суд, где я сумею рассказать правду, и суд разберется, виноват я или нет». И еще: «Протоколы я не хотел подписывать, но следователь требовал, чтобы я подписал их... Протоколы были заготовлены заранее и следователь заставил меня подписать их, заявив, что так нужно следствию» (оперуполномоченный 5-го отделения ДТО Томской ж.д. Дощечкин, начальник отделения лейтенант госбезопасности Мухин, заместитель начальника ДТО лейтенант госбезопасности Розин. - В.П.). В отношении Бардта: «Такие показания я давал, но от них сейчас отказываюсь и не подтверждаю... О его связях с немецкой разведкой и о вредительстве я показывал неправду. Эти показания являются вынужденными». В ответ на показания Бардта: «Бардт мне лично говорил, что он на предварительном следствии давал неправильные показания, что он давал их вынужденно. Об этом он мне говорил, когда нас вместе везли в тюрьму». В последнем слове» Тейтель не только не признал себя виновным в предъявленном ему обвинении, но и сказал, что он подал соответствующее заявление на имя военного прокурора.

Тем не менее, этот первый демарш подсудимого не увенчался успехом: военный трибунал СибВО на основании СТ. 58-6 УК РСФСР осудил В.М. Тейтеля к 20 годам лишения свободы в ИТЛ. Однако возымело действие его обращение к Военному прокурору, и 23 октября 1939 года определением Военной коллегии Верховного Суда СССР данный приговор отменен, а дело возвращено на доследование; 3 июня 1940 года уголовное дело в отношении В.М. Тейтеля прекращено и соответствии со ст. 204 п. «б» УПК РСФСР (при недостаточности улик для предания обвиняемого суду), и он из-под стражи освобожден. Наконец, 10 декабря 1997 года Владимир Михайлович Тейтель в соответствии со ст. 3 и 8 Закона РСФСР от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» заключением Военной прокуратуры СибВО считается полностью реабилитированным (справка № 549 от 11 декабря 1997 г.).

Та же тактика непризнания себя виновным и отказа от показаний на предварительном следствии дала результат и Трауготу Яковлевичу Бардту: приговоренный сначала к высшей мере наказания (расстрелу) он в конечном итоге был выслан на поселение в Казахстан, где и скончался, так и не дождавшись при жизни реабилитации.

Когда Владимир Михайлович Тейтель получил долгожданную свободу, ему было уже под сорок, и не было места иллюзиям. С ним не было самого главного, что сопровождало его жизнь, - надежды. Коллеги, знакомые, даже близкие ему люди встретили его весьма прохладно. Друзей уже не было, все связи были потеряны за эти два долгих года. Конечно, он устал от несбывшихся надежд, от одиночества, от отлучения от своего профессионального дела. И хотя он вернулся в лоно своего архитектурного цеха, зодчий все-таки, наверное, искал уединения, может быть и вынужденного. В последние годы Владимир Михайлович работал художником в кооперативном товариществе «Художник», жил на далекой окраине, в районе соцгорода завода Чкалова. Умер 19 августа 1945 года от приступа грудной жабы, а хоронил его, как следует из акта о смерти, зять, Загибалов, в то время проживавший по адресу: ул. Кривошековская, 11, кв. 1.

Его неожиданная кончина всколыхнула весь новосибирский архитектурно-художественный и проектно-строительный мир. Как часто случается в жизни, смерть человека открыла глаза многим, и вдруг люди осознают всю глубину и боль утраты. 31 августа в «Советской Сибири» Появляется некролог:

«В.М. Тейтель.

19 августа скоропостижно скончался на 42-м году жизни архитектор-художник Владимир Михайлович Тейтель.

Его имя хорошо известно новосибирцам. Вся творческая деятельность покойного после окончания ленинградской академии художеств протекала на наших глазах, в Новосибирске, ставшим для него родным городом, которому он посвятил свой художественный талант, творческую мысль и силы. Навсегда останутся памятниками работы Тейтеля»... Следует их перечисление.

«Будучи темпераментным, творчески устремленным художником, Тейтель много сил отдавал графике. В его многочисленных, блестящих по технике рисунках и акварелях отражались не только архитектура, но и все стороны жизни нашего города.

Труды Владимира Михайловича останутся ценнейшим вкладом в строительство нашего города.

Белогорцев, Крячков, Биткин, Осипов, Вексман, Куселиович, Козьмин, Кузьмин, Тыжнов, Васильев, Кузнецов, Удонов, Удонова В., Удонова Н., Лысая, Масленников, Попов, Боброва, Бобров, Траутвейн, Ширяев, Соколов-Добрев, Подорванов».

Там же, но ранее: «Правление Новосибирского отделения Союза советских архитекторов с глубоким прискорбием извещает о преждевременной кончине архитектора-художника Владимира Михайловича Тейтель, последовавшей 19-го августа, и выражают искреннее соболезнование матери и жене покойного.

Вынос тела состоится из квартиры умершего (Рабочая улица, 46, квартира 11) 21 августа в 17 часов».

Говорят, век или около того - срок вполне достаточный для того, чтобы деятель искусств предстал перед потомками в своем истинном историко-культурном величии. Тогда, когда все случайное, второстепенное с годами улетучивается из его творческого наследия, отмечаемое ветрами времени, вымываемое дождями истории. Остается все ценное, весомое, значимое. Тогда перед нами встает творческий путь человека - короткий и одновременно долгий и большой.

Остались в прошлом драматические повороты его судьбы, его личные горестные страдания, над всем этим поднимается, требуя своего справедливого места в летописи нашего города, человеческий и творческий облик архитектора, чистый и привлекательный. И не его вина, что он реализовался, может быть, далеко не в полную силу своего таланта. Костер его творчества как следует не успел разгореться, но свет, идущий от него, до сих пор не угас.